

Ярославцева Е.И.,
к.ф.н., чл.-корр. ПАНИ,
с.н.с. Института Человека РАН

ОНТОЛОГИЯ ДИАЛОГА РАДОСТИ

Резюме

Автор попытался ответить, о, читатель, на свои собственные вопросы. Возможно, тебя они заинтересуют. Но поскольку все последующее уже написано, то я просто доложу, на что тебе предлагается потратить время. Возможно, что-то будет интересно, а если ты полагаешь, что ничто уже не способно помочь, то смотри сразу в конец текста.

В тексте написано: о диалоге на каждом шагу, о пользе непосредственности, о новом из старого, о мире внешнем и мире внутреннем, о том, что первый атом - человек, о том, что дело движется к началу. Это опорные точки импровизации о проблеме самоосознания человека и его умении, или неумении, правильно пользоваться своими ресурсами. На слове "правильно" следует настаивать, так как человек подошел в эксплуатации своих собственных и природных ресурсов к такому пределу, что дальнейшая неосторожность чревата попросту ужасами. Ему следует взглядеться в себя, чтобы мир внутренний был соотносим с миром внешним и не через скудность, а через богатство и разнообразие. Но в сложном автопоэтическом мире не выжить без чувства меры и сбалансированности, создающими золотое равновесие. А посему, человек должен проявлять себя, свое "Я" не случайным образом, под старость лет, но постоянно, во всех своих делах, отвечая за свое присутствие в этом мире.

Ох, чем законченнее мысль и строже декларация, тем страшнее! Возможно ли это вообще. Но я попробовала в пространстве текста выполнить сочиненную задачу. Раз я автор, то должна провести эксперимент.

Но самое главное, о чем не успела сказать в заключение текста, и что хочу тогда уж сказать в его начале - ведь резюме предпосылается тексту, что сверхзадача этого самопроявления - здоровье человека. Оно - основа здоровья окружающего его мира. Человеку стоит проявлять свое "Я" не только вычерпывая из себя данные природой силы, но и восстанавливая их. Человек себе нужен. И никто, кроме него не сможет этого сделать, как бы ни старался. Если ему это невдомек, он перекладывает себя на плечи других, оставаясь инфантильным ребенком, то ему мир, даже вокруг себя, никогда не сбалансировать. Он - мера мира.

Диалог на каждом шагу. Написать о чем-то - это значит уже - отделиться, отдалиться, отстраниться и, в то же время, - охватить взглядом, мысленным взором что-то, предмет рассмотрения, размышления. А фиксировать все это, записывать - значит осознавать свое присутствие в этом процессе, понимать свое авторство в построении связей. То есть пишущий - автор связи, вязи, которую он сотворяет из слов, пытаюсь выразить то, что у него на уме. Попросту, человек автор диалога, в той или иной мере осознающий свою активность в этом процессе.

В научных исследованиях феномен диалога занимает немалое место. Он стал предметом, который исследователи пытаются охватить единым взором. Отмечено немало интересного и даже мистического, так в романтическом ключе описано как маститый автор умирает в читателе, а читатель, поглощая произведение, сотворяет свой роман. За диалог брались в основном литераторы, которые, как и все авторы страдали, не зная, как начать изложение своей мысли и породили своеобраз-

разную сферу рефлексии, в которой и выражали проблемность своего состояния.

Но с чем бы ни имел дело человек пишущий, особенно ученый, прощупывая неизвестность, он в первую очередь имеет дело с собой. А за этим предметом размышлений далеко ходить не надо. Практически надо охватить себя как непосредственность, хотя дело это фантастически сложное: ведь в этот момент мы становимся уже опосредованными. И это - вечная мука и вечная радость бесконечного возвращения к себе – новому! Заметим, что эта цикличность - явление закономерное и полезное. А польза в нем та, что, возвращаясь к началу, мы каждый раз открываем, обнаруживаем себя.

Обнаруживаем себя, а не понятия, которыми оперируем. Точнее, себя, но - через понятия. Важно, что не только чувства нам предъявляют самих себя, но и понятия, которые наполнены далеко не индивидуальными смыслами, но которые мы используем как инструмент, проявляя индивидуальный почерк. И человек, как ни странно, получает от этого радость. Конечно, это трудная радость. Но если бы не радость, он и не занимался этим: шутка ли, рационализировать эмоции! И радость вполне заслуженная, потому что для организма полезная. Не только для того, который перерабатывал, по выражению Маяковского, "горы словесной руды", но, будем надеяться, и для тех, кто становится читателем, а еще больше для тех, кто будет находиться в этой поколенческой цепи, наследуя опыт радости.

Радость и польза онтологически связаны, они, пожалуй, две стороны одной медали. Радость - это эмоционально отмеченная польза, а польза - это закрепленный организмом положительный, радующий результат.

Поэтому и стремление быть непосредственным, сохраняя чувство меры – происходит здесь и сейчас как поиск некоторого методологического приема, который позволял бы наиболее полно отражать это скрытое опосредованное авторство. Это

желанию следовать некоторой наперед заданной задаче в соответствии с синергетическим процессом, автопоэзисом, который свершается в природе и, думается, в научном тексте также должен быть явлен. Автору не хочется "якать", но и "мыкать" тоже некорректно. Ведь философский текст никогда не пишется от "группы товарищей", а демонстрировать что ты уже "овладел всей суммой знаний, которое выработало человечество", неловко.

Современная проблема в том, что синергетика, найдя понятие "автопоэзиса" для описания природы, уже не позволяет, даже просто на уровне добросовестности, закрывать автору глаза на самого себя в тексте и не отражать этого через определенный методологический прием. Возможно, стоит делать попытку некоторым образом соответствовать тому, о чем пишешь, быть синхронным той непосредственности, которую пытаешься опосредовать.

В данном случае, пред нами - диалог. И польза от непосредственности уже та, что совершенно явно обнаруживается первичный диалог - диалог с собой. Это обнаружение себя обычно остается за скобками. В научном же тексте подобная самофиксация тем более считается, или считалось до сих пор, "дурным тоном". Действительно, кому ты нужен?! Конечно, может быть, это веяние времени. Феномен защиты от "вставшего на свои ноги" и не знающего чувства меры автора, который некогда, в культурном пространстве, и не существовал вовсе. Тогда тем более, перед современным, осознающим себя автором стоит задача выявить себя. И не для того, чтобы постучать себя в грудь кулаком, а для того, чтобы не брать на себя слишком много, чтобы не переборщить в утверждениях, говорить от своего имени. А то иной читатель, если его не предупредить, думает, что перед ним - истина в последней инстанции и может ненароком стать ее практическим и фанатическим исполнителем.

Полезьа непосредственности. Проявление себя играет вполне продуктивную роль. Это, можно сказать, создает инструмент **соизмерения**. Соизмерения внутри складывающегося диалога. Оно помогает как автору, так и читателю: позволяет им опираться на чувство меры в создании их диалога, диалога в тексте. Он уберегает от полного, до безотчетности, погружения в текст, при котором теряется собственное, индивидуальное, автопоэтическое развитие. Это важно как для пишущего, так и для читающего. Текст, конечно, нас творит, как и мы его, "но не да такой же степени", как замечает обычно В.Л. Рабинович. Ни читатель, ни автор в этом случае не потеряют самих себя. Хотя некоторым очень хочется либо стать пророками, либо быть последователями, отказывая себе в личном и возводя себя на эшафот жертвенности.

Соизмеряя себя, свои возможности понимания того потока, в который забрались, автор и читатель дают жизнь тексту. Если же нечего соизмерять, если все глобально несопоставимо, то текст замирает. Он не резонирует с личностью читающего. И автор, и читатель для него – ничто. Текст просто становится памятником попытки высказывания, сыгравшим свою роль во времена оные и сегодня способный ожить лишь в определенном социальном контексте, как культурно-исторический феномен.

Конечно, не исключено, что именно такое соотношение читающего человека с текстом и было сверхзадачей его создателей. Что ж, тогда это - талантливая работа неизвестного труженика или, если речь идет о древних книгах, поколений монахов-переписчиков, которая в итоге породила текст, нивелирующий все личностные начала в человеке. Возможно даже, что развитых личностных качеств, в современном их понимании, у создателей текстов еще и не было. И тогда подобные работы представляют собой зеркало, отражающее именно это обстоятельство. А современный читатель, смотрясь в это зерка-

ло, себя заметить, естественно, не в силах. Когда же подобным текстом начинают пользоваться, то он с необходимостью становится шкалой, своеобразным безличностным нормативом. Как правило, это тексты, применяемые в религиозной практике. Парадокс, однако, именно они, не рассчитанные на личность, ставят во главу, хотя и сверхъестественную, но личность.

Здесь, конечно возникают свои проблемы. Диалог между религиозным текстом и читателем, происходящий сегодня в совершенно ином, принципиально изменившемся временном пространстве, не только делает текст "гостем из прошлого", жемчужиной, на которую narosли времена – отношения с текстом еще и опосредованы и ни о каком индивидуальном соотношении нет и речи. Этому тексту изначально, условиями рождения, социальными функциями предзадано быть недвижимым. У него, естественно, есть резкие ограничения в понимании. Но тогда он противостоит всему тому, что движется. Движется не соразмерно ему. Такой текст не соизмерим, не соотносим, например, с современными интенсивными социальными процессами, он способен подспудно породить конфликты, оставаясь декларацией с некогда хорошей репутацией.

Вообще же встреча с таким текстом, пусть и через посредника - комментатора или устного толкователя - все же осуществляется и показывает человеку его исчезающую значимость. Самое же огорчительное, что при общении с религиозными текстами, задающих человеку норматив, эта «ничтожная» значимость сохраняется и за пределами текста. Иную книжку можно закончить читать - и отвлечься от ее содержания, а то и покриковать, если она не совпадает с личной точкой зрения читателя. Норматив же, содержащийся в религиозном тексте, диктует человеку и тип поведения, и его мировосприятие; формируется даже система наказаний за отказ следовать норме. И никакой критики! Для сохранения этой роли канонического текста возникает также и организационная структура, ко-

торая наблюдает за тем, как этот норматив сохраняется, а именно, как воспроизводится это соотношение бесконечно большого, загадочного и значимого смысла религиозного текста и ничего не значащей бренной жизни человека.

Ни одна из религий не обходится без фиксации такого рода отношений. Они и выросли-то именно из практики познания этой стороны жизненного процесса - соотносимости всего со всем - и формировались вместе с умением моделировать **нужное соотношение** между человеком и окружающими миром. История знает существование множества религиозных концепций - ересей, которые выражали собой право на новое видение положения человека в мире божественной гармонии. Человек стремился вырасти в глазах Бога, и не в потусторонней, а в посюсторонней жизни. А если это не приводило к удовлетворительному результату, то он и вообще отказывался от идеи с чем-либо сравниваться, продолжая, тем не менее, находиться в соотношении, но теперь уже – со своими фантазиями, мечтами.

Соотношение "Человек и Мир" много раз изменялось, выражаясь в тех или иных концепциях, а по существу, формах диалога осваивавшего речь человека и молчаливой природы. Человек строил свой мир, создавая все больше и больше форм взаимосвязей, особенно с представителями своей, человеческой природы, что приводило к изменению баланса сил и постепенному усилению потенциала человека. Индивид обнаруживал себя и свой крепнущий голос. И хорошо, если это был голос автора, отвечающего за дело рук своих, а также - за намерения, излагаемые в многочисленных, создаваемых им текстах. А если нет?

Обнаружить себя как автора полезно еще и потому, что повышается **безопасность** такого текста для окружающих. Если приходится "якать", то уж совершенно точно, приходится нести и ответственность. Как же: Я и Другие. Я пишу, следова-

тельно, отвечаю на внутренние вопросы, которые порождены внешним миром. Внутри-то, как правило, все слажено: если только человек не болен – он себя и не чувствует. Вопросы в нем образуются по милости внешнего мира. Он на них и отвечает – то есть несет ответ другому, будь то природа, животные или человек. Именно участие в диалоге, сам диалог порождают такое качество, как ответственность. И, пожалуй, вне этого процесса воспроизводить, то есть "воспитывать" в человеке чувство ответственности практически невозможно. А фиксирование внимания на несопоставимости человека с чем-либо может только подавлять и рождать страх. Одним словом, осознание своего участия в процессе диалога и приводит человека к ответственности, и никаких иных трудов не надо. Труд диалога оказывается самым продуктивным. Когда ответ принят, то есть ответственность, а по существу – глубокая внутренняя согласованность. Именно она приносит человеку результат: и радость, и пользу!

Так что следование синергетическому процессу, а именно, предъявление себя в тексте как скрытом диалоге – вполне продуктивная задача. Осознание этой возможности как собственно методологической позволит не бояться "передозировки" заявлений о личностной позиции, чего ученые упорно избегают, и возможно, позволит сделать текст более мягким и, честно говоря, более приятным и не таким декларативным. Порой от большого количества в тексте "должно" и "нужно" испытываешь не лучшие ощущения. Коллеги поверят!

Ученые муки. Но, тем не менее, ученому приходится работать с обезличенным материалом. И ты в пространстве научного текста – единственная личность. В том, конечно, случае, если его сама сочиняешь. Кстати, в скобках, следует ли отражать в тексте гендерные признаки – мужское или женское начало автора и как это делать? Это неизбежный вопрос, поскольку каждый, по естественным, данными природой, различиям и пси-

хологическим причинам, по-разному строит и структурирует материал. Однако, это вопросы будущего. Современный ученый отвлекается, абстрагируется от этих и всех других особенностей, становясь просто аналитиком. В научном тексте кроме автора бывают еще и соавторы. Существуют также и авторы других текстов, на которых ссылаешься. Тогда научный текст объединяет немалый круг персон, с которыми нужно строить корректные отношения. И здесь не вредно помнить важный этический принцип: относись к другому так, как хочешь, чтобы относились к тебе!

Таким образом, перед автором изначально возникает задача соотносить все усилия и создать свое - новое. Это сверхзадача всякого сочинения. Хотя текст и без того будет нов, нов уже фактом своего существования, но здесь нужна такая новизна, которую можно презентовать, т.е. убедительно представить читателю. Следовательно, автор должен в своем сочинении соотносить себя, (пусть даже это будет коллективный автор), источники и читателя. Три персоны! И какие! В результате автор, опираясь на свои знания, почерпнутые из прошлого, своим трудом создает нечто привлекательное для читателя, который возникнет в будущем. Он как граница-диалог между прошлым и будущим. Разделяя, он одновременно связывает. И результат сотворяемого им диалога в том, как он соединит в себе потенции и перспективы, как он воплотит существующие возможности.

Одним словом, очень много хлопот и совершенно непрогнозируемый результат. Впрочем, это естественно, поскольку после создания у текста начинается самостоятельная жизнь. Если он, будучи молодым и свежее испеченным, содержит в себе солидную долю возможности, то со временем он накапливает в себе потенцию. Он конденсирует энергию времени, потому как становится для гипотетического читателя все более фактом истории. Но будет ли эта энергия использована? Найдется ли та-

кой читатель, который сможет вступить в диалог с таким текстом, осилить его потенциал.

В общем, картина складывается достаточно ясная. До нас, после нас, вокруг нас - поток диалогов, как уже реализованных, так и еще ждущих своего часа: все это – древнейшие системы автопоэтических связей, тотальная коммуникация. Чтобы можно было усвоить и освоить это культурное пространство, надо своими собственными усилиями прокладывать тропинки, по которым затем, возможно, и пойдет гипотетический читатель. Эти построения - и дань времени, и итог собственных открытий автора. Он выявил нечто новое - возникшие связи и теперь учится их четче выделять, чтобы затем можно было их **использовать**. Последнее, безусловно, важное требование, иначе зачем все эти теоретические словесные построения? В крайнем случае, если автор ничего подобного и не сделает, то может, для пробы, сам почитать, став своим собственным читателем, не только оценив свое творение, но и ощутив дыхание уже прошедшего времени.

Итак, уважаемый читатель, мы с Вами прошли пол-пути, окинув взором место нахождения, и работаем теперь в плотном потоке диалога. И я надеюсь на Вас как на союзника, также стремящегося понять: как взяться за непростую проблему рождающегося и живущего, рождающего и животворящего диалога. Ведь надо понять, чем питает диалог человека, чему тут собственно радоваться?

Так, для более легкой работы с материалом его можно формализовать, например, проклассифицировать. У диалога можно выделить несколько форм, создаваемых разными типами общения, коммуникации. Назовем самые крупные: диалог между поколениями, диалог между социальными структурами, диалог между группами, между людьми. Можно сосредоточиться на функциональных ролях и выявить диалоги между носителями тех или иных социальных ролей. При этом роли у

их носителей могут беспрестанно меняться, и внутри одного человека может накапливаться опыт разных социальных ролей. Последнее - достаточно обычное и знакомое для нас обстоятельство, каждый приобретает такой опыт по мере взросления. И в каждом из нас происходят, порой, тягостные диалоги между разными социальными ролями. Вот где мы накапливаем опыт и нередко испытываем **радость** от удачно решенной проблемы, особенно – от согласования разных, а порой, и взаимоисключающих, ролевых интересов.

Парадоксально, но чем более развит человек, тем проблемнее его жизнь. Благодаря своей жажде открытий и богатству возможностей, он берет на себя много задач и вынужден между ними **распределяться**. И это не просто механическое распределение времени на те или другие занятия. Это ежедневная практика, а именно – сбалансированное действие человека по выполнению поставленных, но в то же время как бы «саморазвивающихся», целей и задач, где завершение одной ведет к возникновению другой. В общем, это коммуникативный процесс, который всегда требовал от человека значительных и осознанных усилий.

Но есть в коммуникации такая сфера, в которой распределиться и оценить затраты усилий было практически невозможно: онтологический опыт очень мал, да и очень высока неопределенность: это отношение к самому себе.

Задача эта открывает совершенно иной пласт диалогов, связанных с самоопределением человека, с выявлением в нем личностных процессов. Возникающая духовно-психологическая сфера требует, как оказалось, немалых сил. Диалог человека с миром усложнялся: человек начал вопрошать самого себя, обращаться к себе как к компетентному, имеющему право на суждение, лицу. Он становился все более уверенным в себе, превращаясь в собственную точку опоры.

Автопоэтический процесс делает петлю и человек оказывается способным стать основой самому себе. Это онтологическое достижение требует серьезных и все возрастающих ресурсных вложений. И ни от кого иного, как от самого человека.

Мир внешний и мир внутренний: диалог через человека. Человек, как его знает наука, практически всегда был обращен во вне, строил взаимоотношения с тем, что находилось вне его. Здесь, конечно, весьма трудно обозначать что-либо конкретно, и как минимум потому, что мы с вами читатель при этом не присутствовали. Уже давно известно, что мы прошлое интерпретируем: когда оно было, оно было без нас. Поэтому отнесемся терпимо к тому, что невозможно сказать обо всем со стопроцентной точностью. Чего, кстати, невозможно сделать, будучи и на месте событий.

Итак, все изначальные диалоги строились на взаимоотношениях с внешним миром. Это было **доминантой** взаимоотношений, позволявшей выживать в не знающем жалости мире. Но можно, раз уж мы классифицируем, найти и внутренний мир. И тогда начинают открываться очень интересные сюжеты, которые, по существу, создали психологическое пространство человека. Внутренние диалоги, вопрошание самого себя создали в человеке то, что изучает теперь психология, описывая эти состояния как объект, но, как бы в качестве компенсации, признавая за человеком исключительные свойства - субъективность. Да он и сам, составляя о себе первое представление, достаточно долго опирается на систему этих же понятий. Так, более опытные, например, взрослые, активно помогают ему, знакомя уже в детстве с системой оценок со стороны общества. И только уже в достаточно позднем возрасте человек начинает, если, конечно, вообще начинает, делать открытия о самом себе, используя при этом систему своих собственных представлений. Это практически стандартный путь к самостоя-

тельности, который, однако, создает особое пространство индивидуального бытия, онтологию личного диалога с миром.

Становясь самостоятельным, человек не просто опирается на свои собственные силы, он опирается на свою систему мировосприятия, доверяет ей и с этих позиций осуществляет отношения с другими. Возникает кольцо отношений и, в каком-то смысле, отношение к самому себе всегда предшествует отношениям с внешним миром: это естественный циклический процесс. В работах академика П.К. Анохина показано, что это на самом деле так: при поиске продуктивного результата организм всегда соотносится со всем опытом, который им накоплен. При этом новый, приобретенный биосистемой опыт, всегда положителен: она не принимает все подряд, а отбирает и даже очень придирчиво. Это значит, что диалог в принципе – радостен, человеку осталось только это понять и уметь использовать. Человек способен установить с внешним миром дружественные, принципиально благоприятные отношения. Точно такие же отношения он может установить и по отношению к самому себе. Но понять себя, отнестись к себе - это самое сложное из того, что только может быть. Этот биологический опыт лежит очень глубоко, хотя, в то же время и очень близко.

Осознанное отношение к самому себе происходит достаточно поздно и по одной простой причине - человек не отделен от себя, он целостен и ему, вроде бы, не с чем в себе связываться. Но автопоэтический процесс, динамичная связь между внешним и внутренним, выражающая потребность быть свободным, - сильнее. Человек вновь и вновь раскрывался в своих персональных желаниях, которые и отличали его от стадных потребностей, отличали как индивидуальность. Но даже тогда он едва ли всегда замечал себя. Его существование для него самого было неустойчиво, мерцающе, ирреально. Можно полагать, что поначалу человек не улавливал самого себя, своего "Я", потому, что его активное индивидуальное существование за-

канчивалось очень быстро. Как только удовлетворялась актуальная животная потребность, завершалась и взаимосвязь с внешней средой, континуумом. Это завершение свертывало персональные рабочие системы, и индивид возвращался к сбалансированному спокойному состоянию среднестатистического члена стадного сообщества, выполняющего четко определенные социальные функции.

Однако, спокойное состояние можно понять и как состояние наблюдения, поиска, сонастройки с внешним миром после периода активности. Наш древний предок, как, кстати и современная детвора, мог отражать внешний предметный мир, но не свою взаимосвязь с ним - это слишком трудоемкая и для выживания не самая актуальная задача. Вообще, процесс как бы незаинтересованного наблюдения за чем-либо мог быть и менее нагрузочным, и достаточно информативным, а потому и более длительным, чем интенсивное взаимодействие. Мир в этом случае усваивался мысленно, идеально. По свидетельству этнографов, общение, например, считалось очень важным делом и на него уходило много времени. А общение уже относится к интеллектуальным функциям. Видимо именно потому, что оно активизирует в человеке все системы, не только биологическую, нужную для простых потребностей, но и значительный объем коммуникативного опыта, что было немаловажным обстоятельством, игравшим в развитии человека как социального существа значительную роль. Вступая в общение, человек мог удовлетворить возникавшую потребность, но только частично, т.к. был в этот период уже очень сложным, системным, существом. Возможно даже, что в этом системном контексте общения пища, защита и продолжение рода приобретали другую – социально-психологическую – роль. Они не могли, как ранее, быть удовлетворены исчерпывающе и полностью, продолжая оставаться в фазе слабого возбуждения, порождая у человека мотив поиска, и не получали завершения.

Активное взаимодействие с внешним миром увеличивается по мере появления более сложных потребностей. Постепенно человек начинает их в себе чувствовать: они ему являются. У человека появляются не только цели и желание их достигнуть, но и необходимость правильно распределить свои силы. И вот - достижение заветных целей, вызывающее бурную радость! Онтологический прорыв! Мышцы становятся гибкими и подвижными. Морда превращается в лицо. Оскал превращается в улыбку! Не сразу, конечно, постепенно. Но эмоции становятся проявленными и, естественно, предъявленными и другим, и себе! А если еще добавить, что человек научился видеть свое отражение в зеркале вод, став для себя таким же, как и все – «другим», и смог наблюдать за сменой своих состояний, то возникшие тенденции очевидны. Наметился особый диалог – диалог через самооценку. Он в значительной мере опирался на специализацию в межполушарном взаимодействии: левое полушарие способно было оценивать результаты эмоциональных устремлений, рождающихся в правом полушарии. Причем, оценивать достаточно эффективно, умея направлять человека на достижение цели, т.е. завершение конкретной практической задачи, удовлетворение своих потребностей. Так диалог подкреплялся положительными эмоциями.

Но у нас, у наших современников слишком сложные - комплексные - потребности. И завершение одних совсем не говорит о завершении других, а рождает ожидание и откладывает положительную эмоцию. Этот естественный момент создает определенные трудности, поскольку мы не умеем радоваться малому, а живем будущим, ожидая большого и настоящего. Почему-то у нас "настоящее" в будущем, а не сегодня. Чудеса! Но, быть может с подобного, давно родившегося момента у человека и возникает механизм, когда удовлетворенная потребность приводит к новой, более сложной. Сила полученной маленькой радости, которую человек во многих случаях даже не

ощущает, сразу же инвестируется в новую цель. Именно это позволяет ему ожидать и создавать новое. Если же человек научится осознанно радоваться даже малому, то он сможет всегда себя поддерживать.

Польза от пользы. Человек становится создателем и потребителем своих собственных ресурсов: он начал познавать себя через свои потребности и организовывать мир через способы их удовлетворения. По сравнению со своим древним животным предком, он качественно меняется и в отношениях с природой, внешней средой, и в отношениях с самим собой. Теперь индивид, носитель цели активен и даже агрессивен. Он как фокусник извлекает из себя силы, преобразуя их по образу своему и подобию, соизмеряя все непосредственно с собой.

Что за механизм возник в этом случае. Возник сложный функциональный орган: сложная, фактически многоэтапная потребность, ориентированная на одну цель. На нее инвестируется определенный ресурс. При удовлетворении какой-либо составляющей в этой системе потребностей завершается соответствующая деятельность и **освобождаются** ресурсы, инвестированные в данную цель. Сразу же складывается возможность расширить целевые задачи, т.е. обозначить новые области желаемого. И так удовлетворение одной из составляющей системы потребностей ведет к укреплению целеполагания и **вложением** в него освободившихся ресурсов.

Так человек становится постоянно активным в отношениях с миром. Он приобретает свойство инвестировать энергию, ресурс в **перспективу**, работать как самостоятельная, вечно движущаяся система. Перпетуум мобиле. При этом организм энергично ищет себе положительную задачу. И не просто для того, чтобы накопить, сконденсировать положительный опыт, что происходит у всех автопоэтически развивающихся биосистем. Умение находить положительное у развитого индивида используется для того, чтобы инвестировать в эту задачу осво-

бождающиеся ресурсы. Устанавливается принципиально положительный диалог, изначально согласующий человека с миром. Причем, неудовлетворенные потребности мешали человеку развиваться. Он становился системой с раскрытой сферой запросов, которая не может осуществлять какую-либо активность, поскольку работа по многим направлениям начата и продолжается. Но ни одно из них - из-за нехватки ресурсов – не может завершиться, вызывая дополнительное напряжение. Это состояние подобно компьютерной системе: при открытых файлах и нехватке ресурсов программа зависает.

Можно пропеть оду восхваления этому механизму освобождения и направления ресурсов на развитие внутрисистемных процессов. Человек становится вполне автономной системой, которую теперь нельзя не заметить. И он начинает обнаруживать себя, свою способность ставить цели и добиваться их выполнения. Этот **волевой** компонент его индивидуальности позволял системе решать много задач, будучи ни с кем не связанной, автономной. Человек стал обладателем способности саморазвития - через внутреннюю перебалансировку ресурсов. И обнаруживая себя в этом качестве, он начал себя эксплуатировать – как наиболее близкий и доступный ресурс, одновременно выделяя свое волевое целеустремленное начало - "Я". Он эксплуатировал и использовал эти качества. Он удовлетворял также свои потребности и за счет освоения ресурсов извне. Так у человека сложился принцип отношений и с Природой, и с собой.

Путь развития человека оказывается весьма драматичным. Терзаемый своими потребностями и не получающий, фактически, ощутимого удовлетворения, человек продолжал искать соответствующие возможности. На этом пути и стал понимать немало: направленность своего поиска (1), свою цель (2), себя как носителя цели (3), как хозяина, ее владельца (4), способного менять цели (5) и не только их направленность(6), но и содер-

жание (7), в соответствии со своим желанием, волей (8), свободным выбором. (9). Интересно, что здесь круг как бы замыкается, поскольку человек, пройдя этот путь, обнаруживает у себя уже потребность нового уровня - быть свободным. И эта потребность в самостоятельности ведет его и дальше.

Человека можно понимать как феномен сложной системы, которая умеет гибко перераспределять ресурсы и оперировать своими возможностями. Итак, при удовлетворении какой-либо из своих потребностей индивид-система направляет ресурсы на освоение перспективных направлений. В человеке образуется **доминантное** направление, в котором он способен чаще всего получать положительный результат.

Однако, индивидуальный ресурс все же ограничен. Если он еще и плохо сбалансирован, да еще человек, эксплуатируя себя, расходует его выше меры, то это неизбежно приводит к перегрузкам. Всякий индивид, истощив свои ресурсы, заболевает. Его целеустремленность резко понижается, проявляя рефлекторную способность организма ограничивать свою деятельность. Если индивид с самого начала имел незначительные ресурсы, то он может вообще не освоить сложные уровни развития, оставшись на стадии простых потребностей и целей. Безмерная эксплуатация приводит, в конечном счете, к окончанию жизни биосистемы.

Оптимизация распределения освобождающихся ресурсов - задача крайне важная. Сам человек может себя поддерживать тем, что прибегает к использованию специальных технологий. Перед человеком возникает задача восстановления своих ресурсов. Причем, это не одноразовая задача. Человеку необходимо выработать положительный опыт, что требует достаточно длительного времени. А это значит, что возникает настоятельная необходимость встречи с собой, со своим "Я". И, как и всякое общение, диалог, развивающийся только при положительных результатах, отношение к себе тоже требует положи-

тельно окрашенных эмоций. То есть, занятие восстановлением своих ресурсов должно вызывать у человека удовольствие.

Человек в отношении к самому себе и должен выполнять эту задачу. Именно он должен осознанно взять на себя задачу **восстановления** своих ресурсов, правильного **распределения** постоянно высвобождающихся внутри него сил. Удовлетворив частично свою сложную потребность, человек должен направить полученную энергию в правильное - соответствующее его природе русло. И эта задача никем, кроме самого человека, конкретной персоны не может быть выполнена.

Но можно, чтобы не было так скучно, просто говорить себе почаще: здравствуй, Я!